Урановая кража: история Губы Андрееева

РАССЛЕДОВАНИЕ

«Один из самых серьезных случаев ядерных хищений», – так отозвался авторитетный журнал Arms Control Today на происшествие на Губе Андреева. Сегодня, располагая подробностями хищения, мы утверждаем: ситуация с хранением ядерных материалов на Северном флоте России – удар по национальной безопасности государства.

1 ноября 1995 года в городе Заозерске (Мурманская область) военный суд Северного флота, рассмотрев дело о хищении тепловыделяющих сборок (ТВС), применяемых как топливо для ядерных подводных лодок, приговорил: матроса службы радиационной безопасности Попова – к 5 годам лишения свободы, матроса службы радиационной безопасности Антонова – к 4 годам лишения свободы. Основание: статья 223-3 УК РФ (хищение радиоактивных материалов). Обвиняемые капитан третьего ранга Бакшанский и капитан-лейтенант Никонов оправданы за недоказанностью.

НОЧЬ НА 29 ИЮЛЯ 1993 ГОДА

Войсковая часть 90299. Секретный охраняемый объект (база хранения технического имущества) Губа Андреева, залив Большая Лопатка, Баренцево море, Кольский полуостров. Углубленный полуподвал с бетонным арочным перекрытием и земляной засыпкой сверху. Войти сюда можно через единственные ворота, которые, как и в других хранилищах, заперты на навесной замок. Сигнализация есть, но... проводка выведена наружу и не изолирована, просто тянется себе по земляной насыпи. Так же как во многих других хранилищах Северного флота, а может быть, даже немного лучше. Сигнализация выведена на пульт, пульт находится у матроса, контролирующего радиационную безопасность на этой территории. Расстояние от хранилища до пульта и матроса – метров тридцать. [illegible] входом в хранилище, но уже внутри – [illegible]ельный «ревун», который заведен на те же контакты. Охраны не выставлено. Считается, впрочем, что она и не нужна. Зачем? Попасть сюда сложно. От ближайших очагов цивилизации 40 км, но и те так просто не преодолеть, если не знать запутанные дороги. Чтобы «официально» попасть на территорию части, нужно сесть на специальный катер, отплывающий из городка Зазимска. На то он и «специальный», чтобы посторонний человек на него не попал. Причалил катер – выход только на причал, где находятся база технического имущества, плавучая казарма и штаб всей части. Жилья для гражданских нет. Но здесь и не всякий матрос пройдет на территорию базы. Вход преграждает КПП радиационного контроля, правда, не охраняемый. Зато арка радиационного контроля действует и при проходе через нее снимает фон. Внутри хранилища – активные зоны тепловыделяющих сборок третьего поколения, предназначенных для загрузки в реактор действующей атомной подлодки.

Попов и Антонов, как контрактники, чувствовали себя вольготно. Во всем, кроме денег: во втором квартале 1993 года средняя зарплата матроса-контрактника на Северном флоте составляла тридцать пять тысяч. Попова следствие потом охарактеризует как «мелкого воришку». Действительно, ранее он неоднократно попадался на воровстве, хотя, конечно, хищение ТВС было для него экзотикой. Хотел заработать, никаких других мотивов. Рассчитывал на 10 миллионов рублей. Антонов произвел на следствие впечатление прос[illegible]ого паренька, легко поддающегося влия[illegible], которого получение денег интересовало меньше.

...В ту ночь Антонов несет охрану на пульте. Сообщники берут в руки кусачки, перекусывают проводок, который тянется по земле, обрезком трубы срывают навесной замок. Доступ в хранилище открыт. Северная июльская ночь – это то же, что московский пасмурный осенний полдень, – светло. Территория вокруг хранилища просматривается отовсюду – с вахты, из штаба, с плавказармы. Плюс на соседнем причале что-то разгружают военные строители... Но похитителей никто не замечает, и тогда они выносят два стержня. Каждый высотой 2 м 70 см. Диаметр среза в тонкой части 40 см. Вес 4,5 кг. Похитители размещаются в заброшенном здании на той же территории и при помощи ножовки разделяют один стержень, извлекают активную часть (содержащую уран-235, примерно 1 кг 800 г, с обогащением 36 проц.) и уносят добычу в сопки. Тайник изготовили грамотно, в камнях, с качественной маскировкой. Через три дня Попов, один, приносит в сопки те полтора ТВСа, что лежали в заброшенном помещении на территории части, но до прежнего тайника не доходит и бросает товар на землю в шестистах метрах от территории части. Целый ТВС в матерчатой обшивке; бирки, номера, названия – все сохранено.

ПО ГРИБЫ

Попов и Антонов сразу попадают в поле зрения правоохранительных органов: дают объяснения, от всего отпираются. Вскоре (видимо, испугавшись) матросы отправляются в сопки «по грибы» и «случайно натыкаются» на брошенные вблизи части стержни. Вызывают дежурного, выражают крайнее изумление находкой и в качестве компенсации настаивают на отпуске, повышении в звании и премии. У прокурора вызывает подозрение такая легкая находка. Но пока матросы на свободе. Сразу после известия о хищении организуются поисковые группы, в одну из которых входит капитан третьего ранга Бакшанский. Он служит в другой части, но на ноги подняты все силы: похищено готовое изделие, технология ТВС секретная... Бакшанский, как и другие, ничего не обнаруживает при прочесывании выделенного участка. Но вдруг отделяется от группы, подходит к россыпи камней, начинает разгребать их... и почти тут же извлекает активную часть ТВС, громко молится, благодаря Бога за ниспосланную находку, и уточняет подошедшим офицерам: «Я увидел краешек полиэтилена, вот и решил копать». Чуть позже, в ходе следственного эксперимента, группа в составе двух офицеров прокуратуры флота и прокурора гарнизона, а также сотрудников УФСК и командования части как ни присматривалась, так и не смогла увидеть этот кусочек полиэтилена. Незаинтересованные матросы, привлеченные в качестве понятых, тоже не смогли. Было снято 12 камней, после чего только обнажился край ТВСа.

Когда Попова наконец арестовывают по подозрению в совершении хищения, он долго ходит вокруг да около, меняет показания и только 3 февраля 1994 года пишет явку с повинной. Антонов сознается тоже. После показаний матросов следствие приходит к подозрению: в деле замешаны не только матросы. «Вычисляют» по наводке матросов двух офицеров: Никонова и уже упомянутого Бакшанского, страстного проповедника учения пятидесятников. Сначала он говорил, что увидел краешек полиэтилена случайно, но скоро изменил показания: «Это меня Бог навел: среди сопок мне явился лик Божий и указал: иди туда, там будет камень, под ним ищи – и найдешь». Следствие установило, что в молельном доме он в свое время познакомился с Поповым. У офицеров не было алиби, и из следственного изолятора они передавали женам записки типа «подтверди, что я был с тобой». Однако ни Бакшанский, ни Никонов не признали себя виновными. Следствие не смогло представить суду ничего, кроме косвенных свидетельств вины офицеров, и они были оправданы.

Такая обложка в западных журналах не редкость: «Ядерные запасы... Кошмарные контрабандные схемы русских гангстеров». Преувеличение?

РЕЦИДИВЫ

На что могут рассчитывать потенциальные похитители, будь то одиночки, обманутые слухами о «мировом рынке» ядерных материалов, или террористические преступные группы? После хищения состояние ядерной безопасности на Губе Андреева несколько повысилось: у хранилища стоит вооруженный матрос, подход огражден колючей проволокой, усилена сигнализация. Однако в целом на Северном флоте ситуация с уровнем физической защиты, учета и контроля ядерных материалов по-прежнему мало обнадеживает. В Генеральной прокуратуре России признают, что «неблагополучная ситуация, в которой находятся предприятия, складывалась десятилетиями, и расхлебывать ее предстоит годами», однако добавляют, что «элементарные расхлябанность и бесконтрольность изжить вполне по силам». Помощник Генерального прокурора РФ Александр Мыцыков приводит пример, когда на «Севмашпредприятии» хранение ядерного материала на первом этапе стендового корпуса осуществляется в помещении, которое сигнализацией не оснащено, под охрану не сдается, требуемых вторых замков на дверях не имеет. Одна из потенциальных угроз – большое количество ледокольных реакторов, которые тоже загружаются ТВСами. Охрана этих изделий поставлена из рук вон плохо. То, что хищений еще не было, не закономерность, а везение.

В ноябре 1993 года, меньше чем через четыре месяца после инцидента на Губе Андреева, произошло хищение ТВС (степень обогащения урана 28 процентов) на базе Северного флота Роста (поселок Полярный вблизи Мурманска), о чем «МН» уже писали. Американский «Журнал ученых-атомщиков» (Bulletin of Atomic Scientists) воспроизвел дословно нашу оценку случившегося: «Даже картошку охраняют лучше»... Казалось бы, оба хищения пресечены, материалы возвращены, преступники задержаны. Но так ли много мы знаем о реальной ситуации? Так ли совершенны системы учета ядерных материалов? Можем ли мы заключить, что других хищений не было? И можем ли мы утверждать, что в дальнейшем таких или еще более дерзких хищений не будет? На каждый из вопросов у нас один ответ: нет. История хищений на Северном флоте учит, что украсть радиоактивные материалы можно, тем более если хорошо знать особенности хранилища. Может быть, с целью нажиться. Может быть, с целью терроризма. Радиоактивный цезий, подкинутый «басаевцами» в Измайловский парк Москвы, не представлял серьезной угрозы для жителей столицы. Это скорее предупреждение. Но предупреждение, заставляющее насторожиться.

Михаил КУЛИК,
следователь по особо важным делам Северного флота,
Владимир ОРЛОВ,
обозреватель «МН»

ЭКСПЕРТИЗА

Можно ли «потерять» ядерную бомбу?

Казалось бы, в дискуссии об уровне сохранности российских ядерных боеприпасов поставлена точка: украсть их невозможно, утверждают военные эксперты. Действительно ли контроль за ядерными боеприпасами безупречен?

Беспокойство вызвано новой волной «сообщений», проверить достоверность которых достаточно сложно. Так, заговорили о том, что якобы еще в 80-х были утеряны, а затем затонули в болоте ядерные боеприпасы. Согласно другому сообщению, в ноябре 1993 года со второй промплощадки предприятия Приборостроительный завод (ПСЗ) были вывезены два ядерных боеприпаса; затем эти совершенно секретные боеприпасы были обнаружены в гараже жилой зоны. Утверждалось, что их вывезли и поместили в гараж работники 7-го цеха, впоследствии задержанные.

«Мы можем рассказать еще много подобных «историй», – прокомментировали в 12-м Главном управлении Министерства обороны, где занимаются вопросами безопасности ядерного оружия. – Как-то в Казахстане, в степи, чабаны наткнулись на... водородную бомбу. Так и сообщили. Когда наши представители прибыли на место ЧП, то увидели... металлический баллон с надписью «водород». В Немецкой печати прошла информация об исчезновении двух авиационных бомб со складов российских войск на Украине. Утверждалось далее, что авиабомбы (тактическое ядерное оружие, между прочим) проданы в Ирак или в схожем направлении... Мы привели наши доказательства того, что ничего не исчезало и исчезнуть не могло. В результате немецкие СМИ признали, что их информация не соответствует действительности, и опубликовали опровержение. Что касается «боеприпасов, утонувших в болоте», то речь идет не более чем о макетах, используемых при проведении летных испытаний крылатых ракет. Естественно, во время таких испытаний не используется ядерная «начинка». Так же естественно, что во время испытаний бывают сбои, в результате которых ракеты отклоняются от курса. Что же касается ПСЗ, то действительно были задержаны злоумышленники, укравшие... ценный металлолом. Но, конечно, не более того».

Информация о любых нарушениях, в том числе и на предприятиях Минатома, приходит в Министерство обороны через сеть военпредов, которые обеспечивают постоянный контроль за всеми стадиями операций по изготовлению ядерного оружия. По словам начальника 12-го Главного управления генерал-полковника Евгения Маслина, «тщательные расследования, устраиваемые Минатомом и Минобороны по каждой публикации в российских или зарубежных СМИ либо по запросам российских или зарубежных политических, военных деятелей, свидетельствуют о том, что случаев пропажи оружейных ядерных материалов ни разу не было».

Президент Ельцин в июне 1995 года распорядился возложить на Министерство обороны осуществление государственного надзора за ядерной и радиационной безопасностью при разработке, изготовлении, испытании, эксплуатации, хранении и утилизации ядерного оружия и ядерных энергетических установок военного назначения. К такому решению президент шел долго. Начиная с 1992 года вопросы надзора за безопасностью ядерно-оружейного комплекса формально были возложены на Госатомнадзор – контролирующую структуру при президенте. Однако реально Госатомнадзор так и не смог приступить к выполнению этих функций, объясняя это «противодействием Минатома и Минобороны России, которые не допускали специалистов Госатомнадзора на объекты для проведения инспекций», «отказались определить порядок предоставления в органы государственного надзора сведений об авариях и инцидентах с ядерным оружием на объектах». Начиная с осени 1994 года в Минобороны, Минатоме и ФСК стали раздаваться требования ликвидировать несоответствие между формально возложенными функциями и реальными возможностями Госатомнадзора, обретшие затем форму совместного письма президенту.

Нужен ли ведомственный контроль за ядерным оружием, его хранением, транспортировкой в России? «Если бы такой контроль осуществлялся ради повышения безопасности ядерных боеприпасов, я первый бы сказал: пожалуйста, – говорит Евгений Маслин. – Но ни технически, ни практически такое невозможно себе представить. Как это: бродит чиновник среди ядерных боеприпасов и что-то проверяет, не имея ни соответствующих знаний, ни документации? Госатомнадзор, замечу, претендовал только на организацию надзора, но при этом не был готов нести никакой ответственности, в то время как наши военпреды несут ответственность головой».

Итак, Министерство обороны по-прежнему само контролирует свое оружие, не подпуская к нему «чужаков». В последнее время вопросы ядерно-оружейного комплекса и его безопасности все активнее берет под свою опеку премьер-министр Виктор Черномырдин, лично возглавивший правительственную комиссию по ядерному оружию. Перед комиссией стоит множество застарелых проблем, прежде всего финансирование мер по улучшению физической защиты мест дислокации и транспортировки ядерного оружия. Однако генерал-полковник Маслин оптимистичен: «Никаких оснований для тревог и опасений нет».

В.О.

Материалы полосы предоставлены редакцией журнала «Ядерный контроль», где они будут опубликованы полностью